

УБОЙНЫЙ АРСЕНАЛ

остросюжетные романы о совершенном оружии

ПОВЕЛИТЕЛЬ БАТАЛИЙ

Тактико - технические
АК-74/АКС-74/АКС-74У

- Патрон - 5,45х39
- Принцип работы - автоотвода пороховых газов
- Питание - коробчатый 30 патронов
- Масса - 3,07/2,92/2,4 (используемая); 3,6/3, снарядный магазин) (со стиком)
- Длина оружия - 1061/1 стиком); 940/ 940/730 мм
- Длина оружия со сложенным АКС-74 - 700 мм, АКС-74У - 700 мм
- Длина ствола - 435/435

численные характеристики
АКС-74У

5х34

тип - автоматика на основе
их газов
робчатый магазин вкостям

/2,97/2,465 кг
); 3,6/3,5/3,0 кг (со
газником); 4,09/3,99/- кг

- 1061/1061/- мм (со
940/730 мм (без стиком);
со сложенным прикладом -

СЕРГЕЙ САМАРОВ

Сергей Васильевич Самаров

Повелитель баталий

Серия «Убойный арсенал»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6997791

Повелитель баталий / Сергей Самаров: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-70690-7

Аннотация

Грузинские и американские спецслужбы планируют применить против России новейшее бактериологическое оружие. Чтобы сорвать безумные планы военных авантюристов, на территорию закавказского государства забрасывается диверсионная группа ГРУ, состоящая из трех человек. Один из бойцов – совсем еще молодой, опыта диверсионной работы у него еще нет. Но у солдата есть снайперская винтовка, которой он виртуозно владеет, и планшетник, на котором установлена информационная система военного назначения «Оператор»...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	36
Глава 2	56
Глава 3	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Сергей Самаров

Повелитель баталий

© Самаров С., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

Командир взвода шагнул ко мне и спросил:

– Что сие значит, Волконогов? Земля холодная. Кишку простудишь. Чего разлегся?

– Не могу больше, товарищ старший лейтенант. Хоть стреляйте!.. Сил никаких нет.

Он усмехнулся и заявил:

– Когда мой знаменитый однофамилец режиссер Станиславский учил актеров правильно играть роль, он часто говорил одну фразу: «Не верю!». Вот и я тебе не верю. Ты себя жалеешь, и потому не можешь. Перестань плакаться, представь, что висишь на руках над пропастью. От того, сможешь ли ты заставить себя превозмочь усталость и подтянуться, зависит твоя жизнь. Подыхать не хочешь – сделаешь! Так же и здесь. Только ты от земли отжимаешься. Не жалей себя. Иначе не спасешься!

Чтобы не показаться умником, я не стал говорить, что знаменитый режиссер вовсе не однофамилец нашего командира взвода. Станиславский – это псевдоним, а настоящая фамилия у него Алексеев.

– Сколько раз осталось отжаться?

– До двухсот – три.

– А потом еще десять! Работай!..

Эти слова прозвучали предельно жестко. Не как уговоры,

а как настоящий приказ. Количество отжиманий, назначенных старшим лейтенантом Станиславским, меня, признать-ся, чуть не убило. Но я живо представил себе, что повис на руках, уцепившись за шаткий камень, а под ногами, не имеющими опоры, – пропасть. Я видел собственное падение, чувствовал удары о камни, выступающие из отвесной стены. Мое разбитое переломанное тело билось о них, переворачивалось и падало в бездонную расщелину.

По телу пробежали мурашки. Не хочу так! В руках появилась сила. Я заставил себя отжаться один раз, потом второй и третий, в четвертый это получилось легче. При шестой попытке старший лейтенант наступил мне на спину и стал давить ногами.

– Продолжай! – приказал он.

Я вынужден был делать это. Думал, что сейчас умру, но работал, упирался. С каждым последующим отжиманием старший лейтенант Станиславский давил на мою спину все сильнее и сильнее. Мне показалось, что он вообще встал на меня, хотя вторую его ногу я видел периферийным зрением. Но я выполнил задание. Тяжелый башмак садиста нехотя, как мне показалось, убрался со спины.

– Двести десять! – сказал я с гордостью.

– Это можно признать успехом, хотя и с натяжкой, – заметил командир взвода.

– Почему с натяжкой, товарищ старший лейтенант?

– Потому что ты позволил себе отдых. Остальные отжа-

лись двести раз без перерыва. Тренируйся, буду проверять, – пообещал он.

В группе было восемь человек. После долгих испытаний Станиславский сам отбирал нас. При этом он основывался на каких-то своих соображениях и не говорил, для чего мы понадобились.

На естественный вопрос, который ему однажды задали, старший лейтенант ответил так:

– Могу только обещать, что не в отряд космонавтов.

Этим командир взвода показал, что вводить всех нас в курс дела он не намеревается. Старлей сообщил только, что из восьми останутся лишь два бойца, которые ему нужны. Он возьмет их с собой. Остальные вернутся туда, откуда пришли, то есть просто останутся во взводе.

С нами восьмерыми Станиславский работал сам, персонально и очень жестко. Занятия во взводе тоже мягкостью не отличались, но сравнить их с нашими, индивидуальными, было очень сложно.

Из восьми человек четверо были солдатами-контрактниками. Они, конечно, имели преимущество перед остальными. Тренированы лучше, опыта больше. Из четверых оставшихся я один был из последнего призыва, молодой солдат, совсем необстрелянный, не нюхавший пороха. Трое срочников уже бывали в командировке на Северном Кавказе, вернулись оттуда четыре месяца назад. Они не рассказывали об

этом.

Услышав мои конкретные вопросы, эти парни только криво усмехались и говорили:

– Ничего хорошего. Не курорт. Пули вместо бабочек летают.

Нам уже казалось, что мы – подготовленные спецназовцы. В мышцах играла сила, в душе – гордость. Хотелось посмотреть и ощутить, как летают пули, проверить и проявить себя. Опытные парни понимали такое. Они тоже через это прошли. Большинство в новую командировку не рвалось. Хотя были и такие, кому нравилось.

Наш командир отделения младший сержант контрактной службы Чубо попросился к нам сам, хотя внешне совсем не походил на воинственного человека. Спокойный, невозмутимый парень, два слова из него не вытащишь. Натуральный уральский кержак¹, из которых он и происходил. Надежный? как многовековое дерево, крепко держащееся корнями за землю. В любом деле основательный и неторопливый, при этом непонятным образом успевающий все делать быстро.

Я не знал, что толкнуло Чубо попроситься в нашу группу и почему его примеру последовали еще два контрактника. Эти сухопарые и злые парни в выносливости могли потягаться

---

¹ Кержаки – потомки староверов, которые в 20-х годах XVIII века после разгрома скитов на реке Керженец, протекающей по территории современной Нижегородской области, десятками тысяч бежали на Урал и в Сибирь. Являются классическими носителями северорусской культуры. Со временем кержаками стали называть всех старообрядцев Урала и Сибири (*здесь и далее прим. авт.*).

со степным волком, которого, как известно, только ноги и кормят. Оба были воинственны и агрессивны от природы.

Старший лейтенант Станиславский не допускал проявления агрессивности во взводе. Поэтому они искали возможности выпустить пар. По этой причине, наверное, эти ребята и попросились в группу.

После полутора недель занятий командир взвода никого еще не отсеял и даже не говорил, какие качества солдата его устраивают больше всего и особенно пригодятся в предстоящей командировке. Мы продолжали подготовку, стараясь даже не себя показать, а приобрести те навыки, которых нам явно недоставало. По крайней мере, со мной было именно так.

Конечно, я сам видел и чувствовал, что заметно уступаю другим по уровню боевой и физической подготовки. Я мог потягаться с сослуживцами и даже выйти победителем разве что в рукопашном бою и в стрельбе.

Рукопашный бой давался мне легко хотя бы потому, что я занимался им раньше, до того еще, как увлекся биатлоном, который научил меня стрелять. Конечно, спортивная винтовка имеет отличия от автомата. Кто-то скажет, что даже весьма существенные. Но принцип подготовки стрелка остается одним и тем же. Поэтому мне пришлось не переучиваться, а только осваивать кое-какие детали.

Это касалось и рукопашного боя. Спортивное единоборство имеет значительные отличия от боевого. В первую оче-

редь по конечной цели. Победить в спортивной схватке и уничтожить врага – это разные вещи. Естественно, в армии добавилось и обязательное использование в качестве оружия всего, что под руку попадет. Поэтому в рукопашке мне пришлось переучиваться, хотя первоначальные навыки все же сгодились.

Но занимался я с удовольствием. Я всегда легко, без внутреннего сопротивления воспринимал все то, что было для меня новым. Это качество характера мне помогало часто, даже в спецназе. Особенно здесь, где приходилось переоценивать многие вещи, даже учиться иначе относиться к людям, забыть старые критерии.

У нас проводились динамические занятия по стрельбе. Это значит вот что. Тебе дается время для того, чтобы выбежать на исходный рубеж. Там следует залечь, дать максимум три очереди по двум поясным мишеням, а лучше обойтись всего парой.

Потом надо перекатиться на следующий рубеж, оттуда тоже дать три очереди по двум мишеням. Следом ты должен перебежать дальше, проехать брюхом по длинному столу, перевернуться, после кувырка дать две очереди по двум новым мишеням, забросить автомат за плечи, преодолеть деревянный барьер и взобраться на кирпичный забор.

Очередную мишень следует обстрелять прямо с забора, забросить оттуда в далекий окоп одну учебную гранату и

спуститься. Снизу солдат должен послать вторую гранату в тот же окоп, который уже почти не виден, проползти под колючей проволокой, не порвав задницу в кровь, в самом конце перевернуться и лежа обстрелять две мишени у той кирпичной стены, которую он недавно преодолел.

Через двадцать метров нужно спрыгнуть в полнопрофильный окоп, перебежать по подземному коридору в соседний, выложенный кирпичом, оттуда выбраться, не прибегая к помощи рук, работая только ногами и лопатками. Лишь после этого следует скоростной рывок до финиша, где старший лейтенант Станиславский морщится перед секундомером, показывая всем своим видом, что бегать ты не умеешь, даже если удачно стрелял и послал в цель обе гранаты. Впрочем, моим бегом, как и стрельбой, он оказался вполне доволен.

– Если ты еще и отжиматься научишься, может, из тебя когда-нибудь и получится хороший солдат, – сказал мне командир, когда я развел в стороны руки и согнулся в поясе, восстанавливая дыхание.

– Стараюсь, товарищ старший лейтенант, – ответил я.

В это время командиру взвода кто-то позвонил на мобильник.

Он вытащил телефон, посмотрел на высветившийся номер и сразу ответил:

– Старший лейтенант Станиславский. Слушаю вас, товарищ подполковник. Так точно. Провожу занятие с кандида-

тами. Сегодня у нас динамическая стрельба. Конечно, товарищ подполковник. Вот он, только что дистанцию закончил. Рядом со мной стоит. Понял. Посылаю.

Разговор, как я подумал, шел обо мне. Наверное, старлей беседовал с комбатом. Это был единственный подполковник, с которым мне приходилось общаться за время службы в бригаде. Но я ошибся.

– Волконогов! – Командир взвода строго посмотрел на меня. – Тебя персонально вызывает начальник штаба бригады. Где он находится, знаешь? Не батальона, а бригады!..

– Так точно, товарищ старший лейтенант.

Штаб батальона располагался этажом выше нашей ротной казармы, и спутать я не мог. Штаб бригады находился около ворот, в трехэтажном здании.

– Не заставляй товарища подполковника ждать. Требуется срочно. Где кабинет, знаешь?

– Никак нет. Не был в том штабе ни разу. Не вызывали.

– Третий этаж, налево по коридору, первый кабинет с левой же стороны. Дежурному внизу скажешь, что начальник штаба вызвал. Он должен быть в курсе. Дуй!..

Я дунул, не снимая бронежилета, не забрасывая ремень автомата на плечо. Из-за этого всем встречным-поперечным казалось, наверное, что я бегу в атаку. По крайней мере, именно это я прочитал в глазах солдат взвода, который маршировал мне навстречу. Но на чужие взгляды я внимания не обратил и даже скорости не снизил. Никто не спросил меня,

кого я намерен атаковать. В подразделениях ГРУ не принято задавать вопросы, не касающиеся тебя самого.

– Волконогов? – сразу, не дожидаясь, когда я переведу дыхание, спросил капитан, дежурный по штабу, и не стал ждать моего ответа. – Третий этаж, налево, первая дверь с левой же стороны. Дуй!.. Подполковник Верховданов ждет.

Я дунул по лестнице, перескакивая через три ступеньки, и притормозил только между вторым и третьим этажами, чтобы отдать честь двум полковникам, спускающимся навстречу мне. Они ответили тем же, но козыряли небрежно, будто отмахивались.

Дверь кабинета начальника штаба была металлическая. Я постучал, как мне показалось, не сильно, но звук получился такой, что мог бы разбудить роту, спящую после тяжелых учений. Ответа я не слышал, тем не менее приоткрыл дверь. За ней был тамбур. Я уже тише постучал во вторую створку и тогда только услышал приглашение.

Начальник штаба бригады выглядел кубом, сидящим за столом. Настолько он был широк в плечах и, кажется, невысок ростом. Я видел его раньше на территории, но не знал, что это и есть новый начальник штаба нашей бригады.

Этого подполковника вроде бы перевели к нам из Москвы, где он рассчитывал на быстрый рост по службе. Ему предоставили такую возможность, посадили на полковничью должность, но только в бригаде, а не в столице. Впрочем, это были случайно подслушанные разговоры младших офи-

церов. Солдату трудно было судить, насколько они правдивы. Да это меня и не касалось.

Я начал доклад по уставной форме, но подполковник жестом остановил меня и распорядился:

– Садись, Волкогонов.

– Товарищ подполковник, моя фамилия Волконогов, а не Волкогонов.

– Да. Это у меня сослуживец был Волкогонов, потому и путаю. По привычке. Ты садись...

Я не стал говорить начальнику штаба, что путать – это плохая привычка. Просто не был уверен в том, что он поймет вариации русской лексики. Да и не в том звании я находился, чтобы поправлять аж начальника штаба бригады.

Я сел на краешек стула, не сильно расслабляясь и ногу на ногу не забрасывая. Я всегда был скромным. Особенно в армии, где это приветствуется.

Подполковник Верходанов взял в руки карандаш, перевернул его острием вверх и задумчиво постучал по толстому настольному стеклу. Наверное, это занятие помогало ему сосредоточиться.

– Вопрос у меня к тебе такой. Что твой отец делает в США?

– Он уже там? – спросил я с легким удивлением.

– Там.

– Я не знал. Два месяца тому назад отец писал мне, что его включили в группу программистов, которая будет рабо-

тать над совместным проектом российской и американской армий по отражению кибератак. Он упоминал, что ему, видимо, придется часто выезжать в Штаты.

– Интересно!.. – сказал подполковник Верходанов. – Почему мы ничего не знаем об этом проекте, если в нем задействован отец нашего солдата? Тем более что это дело ведется совместно с нашим потенциальным противником.

– Не могу знать, товарищ подполковник. Я с отцом редко общаюсь. Это правительственный проект, как я думаю, не имеющий широкой рекламы.

– Понятно. Однако я знаю, что твоего отца Госдепартамент США внес в список десяти главных врагов своей страны. Как же они допустили его участие в совместной работе? Почему вообще дали визу? Обычно люди, фигурирующие в таком списке, могут въезжать в Штаты только по дипломатическим паспортам.

– Я не в курсе, товарищ подполковник. Я же говорю, что редко с отцом общаюсь. Отсюда, из армии, тем более.

– А что там он такого против США сотворил, что они его врагом признали?

– Краем уха слышал про какую-то программу для защиты ядерных центров Ирана. Он ее на заказ выполнял. Что-то там после установки этой программы у американцев обломилось.

– Да, что-то такое. Я тоже только в общих чертах слышал. Что-то там с Ираном связано. Ладно. Дело не в этом. Я смот-

рел твои документы. У тебя там нет характеристики на отца.

– Наверное, потому и нет, что я большую часть жизни прожил с отчимом, товарищ подполковник.

– Да. На отчима твоего характеристика есть. Но надо бы и на отца сделать. Тем более что он в США поехал.

– Я не знаю, товарищ подполковник, кто может дать характеристику на отца. Он владелец фирмы. Только сам на себя и может написать. Или те, кто отправлял его в Америку.

– А это кто?

– Я же говорю, правительственный проект.

– Ты хочешь сказать, что мы должны отправлять запрос в правительство?

– Разве я это предложил, товарищ подполковник?

– А если особый отдел запросит у нас документы на тебя?

Что мы скажем?

– Извините, товарищ подполковник, я не в курсе всех тонкостей службы. Насколько я знаю, документы на меня готовились в военкомате. Почему особый отдел должен проверять их здесь, если это уже было сделано перед призывом?

– Потому что ты в командировку собираешься, – проворчал подполковник. – Здесь без особого отдела, я думаю, никак не обойдется. Короче говоря, хочешь в командировку, думай, как добыть характеристику на своего отца.

– Совместный проект двух армий. Думаю, кто курирует его с нашей стороны, тот и имеет характеристику на отца.

– Резонно мыслишь. – Верходанов пожал неестественно

широкими плечами и опять постучал карандашом по стеклу. – Я подумаю. А ты тогда иди и продолжай занятия.

Раньше я как-то не особенно горячо относился к тому, что меня выбрали в число восьми претендентов на командировку. Теперь же, после того как со слов начальника штаба бригады узнал, что командировка эта очень важная, мне непременно захотелось попасть в число тех двух счастливицков, которых старший лейтенант Станиславский возьмет с собой.

Во-первых, это удовлетворило бы мое самолюбие. Все-таки я – единственный молодой солдат из восьми претендентов. Попадание в избранные значило бы, что я за короткий срок достиг определенных кондиций и могу конкурировать даже с контрактниками.

Во-вторых, кому же не хочется быть избранным! Простая юношеская жажда познания, стремление к интересному толкали меня, усиливали мое желание.

Вернувшись во взвод, я сперва удивился тому, что старший лейтенант Станиславский не стал меня спрашивать, что понадобилось начальнику штаба бригады от какого-то рядового солдата, но потом понял, что это естественная для военного разведчика привычка не пытаться узнать лишнего. Наши офицеры с самых первых дней настраивали нас так, чтобы мы не совали нос не в свои дела. Естественно, их самих давно уже так воспитали.

После обеда занятия впервые проходили в компьютерном

классе. Работали мы с обыкновенным планшетником, на который в дополнение к стандартным были установлены кое-какие армейские программы. Взвод в целом на такие занятия не ходил. Офицеры говорили, что они будут проводиться для всех, когда армию оснастят новой экипировкой «Ратник», в состав которой входит и планшетный компьютер. Пока же занимались только мы.

Не знаю, где командование бригады нашло такого инструктора-преподавателя, но, как мне показалось, он сам умел только клопа давить на персональном компьютере, да и то с самым обычным обеспечением. Планшетник же работает с операционной системой «Андроид». Я с ней знаком не был, как, кажется, и инструктор, но разобрался быстрее его.

– Волконогов! – сказал командир взвода. – А ты в институт что, не поступил?

– Даже не пытался, – сознался я. – Решил после армии.

– Странное решение. Отец у тебя программист, мать тоже, да и отчим с этими делами связан. Сам ты, судя по характеристикам, из-за компьютера не вылезал, а учиться дальше не пошел. Почему?

– Я же говорю, товарищ старший лейтенант, решил, что после армии поступлю.

Станиславский пожал плечами, не понимая моего решения. Но я не стал объяснять, что просто хотел оставаться самим собой, а не делать то, что за меня решили другие, пусть и близкие мне люди. У них свое видение моей судьбы, у меня

– собственное. То, что они хотят видеть во мне продолжение самих себя, еще не говорит о том, что я желаю того же.

Да, я почти всю свою школьную жизнь провел за компьютером. Так за меня старшие решили. Да, я знал компьютер гораздо лучше своих сверстников. У всех было устойчивое мнение, что я обязательно пойду по стопам родителей. Так считали отец, осевший в Москве, и мать, живущая на Волге. Но я много раз слышал про детей знаменитых артистов, которые начинают карьеру благодаря славе своих родителей, а потом ничего не могут сделать сами.

Я хотел быть самым собой. Я знал, что отец у меня программист гениальный, а мать – посредственный. Я же серостью быть не хотел, но чувствовал, что мыслить как отец не умею. Я вообще не желал быть программистом, но говорить об этом всем и громко не собирался.

Занятия в компьютерном классе мне ничего, по сути дела, не давали, и ничему научить не могли. Беда была в том, что инструктор-преподаватель сам ничего в достаточной степени, как мне показалось, не знал и, естественно, не мог ничему научить не только меня, но и всех нас. Он даже стандартные армейские программы осваивал в другом варианте – когда они работают на обычном ПК, под иной операционной системой.

При новом интерфейсе инструктор начинал плавать и не умел нам ничего показать. Отыскивая нужную кнопку, он сам одновременно учился. Хотя, казалось бы, все эти про-

граммы однотипные, и систему управления можно понять интуитивно. Она изначально создавалась именно с таким расчетом.

Вслух я, конечно, никакой критики не высказывал, просто тихо попросил у командира взвода разрешения взять на вечер планшет с собой, чтобы разобраться с программами. Я обещал ему на следующем занятии в компьютерном классе доложить всем, в том числе и преподавателю, возможности программ.

Старший лейтенант Станиславский был человеком понимающим и, главное, рациональным. Он сам видел слабые стороны инструктажа, знал кое-что обо мне. Поэтому взводный наедине, чтобы не уронить авторитет офицера перед солдатами, поговорил с инструктором-преподавателем, назвал ему мою фамилию, весьма известную благодаря отцовским заслугам. Тот согласился, хотя и заставил меня написать расписку в получении планшетного компьютера для занятий в казарме.

А я вдруг понял, почему в список из восьми кандидатов включили меня, на мой взгляд, не достойного пока еще такой чести. В этой командировке важнейшую роль должно было сыграть умение владеть именно планшетным компьютером. Их уже давно обещают поставить на вооружение армии, но пока дело ограничивается только словами. Однако когда-то это произойдет, иначе потом придется догонять другие армии мира.

Теперь, кажется, началось. А это была, мягко говоря, моя стихия. Здесь я плавал не как наш преподаватель, а как корабль или хотя бы мощный катер. Я вполне мог выделиться этим среди других солдат, даже самых опытных, причем значительно. Отсюда и выбор в качестве кандидата. Осталось только слегка подтянуть обычные военные дисциплины. Для этого нужен был лишь характер. А его у меня хватало.

С программами я разобрался за час и планшетный компьютер освоил достаточно быстро самым примитивным методом. Ткнешь пальцем в сенсорный экран и ждешь, что будет. В планшете все основано на интуитивном понятии. Разобраться с ним, если более-менее умеешь общаться с обычным ПК, не сложно. Нужно только время.

Я воспользовался тем, что у нас в комнате отдыха стояли четыре компьютера и роутер, преобразовывающий сигнал выделенной интернет-линии в Wi-Fi, и через скайп связался с отцом, находящимся в США. Сигнал пошел на его ноутбук, но он ответил не сразу. Мне пришлось даже повторить вызов, поскольку планшет сообщил, что абонент не отвечает. Но вторая попытка удалась, отец отозвался. По западному времени США было около пяти утра, и я его, конечно, разбудил.

Видеокамера ноутбука была куда более качественная, чем на планшете. Но я себе средства связи не выбирал, и пользоваться пришлось тем, что мне выделили. Я извинился перед отцом за то, что поднял его с постели. Но у меня воз-

никло несколько вопросов по операционной системе «Андроид», поэтому я был так настойчив. Отец, даже не совсем проснувшись, все терпеливо объяснил мне. Он умел делать это кратко, но всегда доступно.

– Когда вернешься? – спросил я.

– Ты знаешь, где я?

– Знаю. За большущей лужей.

– Наверное, еще недельку буду здесь. Я свяжусь с тобой, когда вернусь. Это твой постоянный адрес на скайпе?

– Пока не знаю. Но попробуй. Может быть, пообщаемся. Хотя лучше дождаться, когда я сам тебя вызову. Это служебный компьютер. Не могу сказать, когда у кого в руках он будет.

– Тогда до связи.

– До связи, папа.

Я выключил планшетник и сдал его на хранение в каптерку. В самом деле, не под подушку же прятать такую драгоценность. Хотя у нас в роте и не воруют, тем не менее любителей компьютерных игр хватает и здесь.

Игромания в моем понимании – это вариант наркомании. Оставишь планшетник на тумбочке, обязательно найдется какой-то любопытный тип, сперва посмотрит, потом сядет поиграть. Пока я в комнате отдыха с программами разбирался, ко мне четырежды подходили с вопросом, какие игры установлены на компьютере. Я, честно говоря, даже не посмотрел, что там есть, хотя иконки игр видел. Они, похоже,

устанавливаются сразу, в базовой программе загрузки. Но я играми никогда не баловался, привыкать к ним не желаю и даже разговоры на эту тему не поддерживаю. Когда мне задают такой вопрос, я просто отвечаю, что не знаю, не интересуюсь и не намерен лезть в эти дела.

Утром, когда рота вернулась с обычного марш-броска, я уже не падал без сил, как случалось в первые месяцы службы. Дистанция в десять километров, преодолеваемая каждое утро, стала казаться мне простой разминкой в сравнении с обязательным еженедельным марш-броском на пятьдесят километров.

Я уже втянулся в нагрузки, привык даже к ограничениям во времени сна. Четырех часов, как говорят медики, человеку, ведущему активный образ жизни, вполне хватает для восстановления сил. Другое дело, что организмы у людей разные. У некоторых потребность во сне более сильная, чем у всех прочих.

В нашем призыве нашлось два человека, которые справились с физическими нагрузками без проблем, но не могли довольствоваться коротким сном. Их отправили дослуживать в спецназ воздушно-десантных войск. Остальные втянулись.

Старший лейтенант Станиславский уже ждал нас в казарме, сразу подошел ко мне и спросил:

– Освоил планшет?

Вид у Станиславского был сосредоточенный, брови на-

хмурены, над переносицей собрались три складки-морщины. Старший лейтенант вообще редко улыбался. Когда он сосредотачивался или задумывался, то казался сердитым, хотя и не свирепым. Как, например, наш старшина роты, при взгляде на которого пропадало всякое желание подойти и спросить что-то, даже необходимое. Хотя старшина роты был, в общем-то, как я убедился, добрым человеком, отзывчивым на солдатские нужды, даже заботливым, как требовала того его должность. А строгость, конечно, нужна. Без нее в армии не обойтись.

– Так точно, товарищ старший лейтенант. Полностью разобрался со всеми необходимыми программами. Могу провести занятие с группой.

– Не надо. Сейчас забери планшетник и дуй в компьютерный класс. Там тебя ждет майор Варфоломеев. Он поставит на компьютер еще пару программ и научит тебя с ними работать. Дашь подписку о неразглашении. Учти, она предусматривает уголовную ответственность. В том числе и за взлом программы. Короче говоря, могу тебе сообщить, но не для общего сведения: ты выбран в число двух моих спутников. Готовься по полной программе. Не стесняйся спрашивать Варфоломеева, чтобы не возникло вопросов потом, уже в командировке.

Подписку о неразглашении сведений, ставших мне доступными во время службы, я уже давал. Говорили, что еще более строгую бумагу нам преподнесут при увольнении. А

теперь оказывается, что возможна даже уголовная ответственность.

Впрочем, я никогда болтливым не был и не опасался, что вдруг начну разглашать какую-то страшную государственную тайну. Раньше я не слышал, чтобы давались еще какие-то отдельные подписки кроме двух основных, хотя мог и не знать о них. Мне и так было понятно, что лишнего говорить не стоит. Но, видимо, резонансное дело Сноудена заставило перестраховываться не только американцев, но и россиян. Тем более что в подписке напрямую говорится о компьютерных программах.

– Понял, товарищ старший лейтенант.

– Будь готов. Отбывать начнем, как только поступит команда.

– Я уже готов. Кто с нами третий?

– Я представил три кандидатуры в штаб. Кого уж утвердят. Вне конкуренции шел ты один.

Майор Варфоломеев оказался молодым или просто сильно молодежавым мужчиной в общевойсковом мундире. Он смотрел на меня слегка насмешливым взглядом. Будь этот человек в гражданской одежде, я по возрасту дал бы ему звание старшего лейтенанта, это самое большое.

– Ну что, Волконогов, наследуешь профессию отца? – спросил майор.

– Никак нет! Просто выполняю то, что могу сделать луч-

ше других. Никак не больше. На отцовские лавры я не претендую. На его талант тоже. Не тяну, откровенно готов признать, товарищ майор.

– Ладно. Скромность только девушек украшает. Но работать тебе придется в том числе и с программой твоего отца.

– С какой? У него много программ написано.

– С той самой, из-за которой он вошел в список десятка главных врагов США. Слышал про эту программу?

– Краем уха.

– Интересная программа. Называется «Бумеранг». Ее, кстати, американцы так окрестили. Точное название!.. Заказ на программу поступил из Ирана. Лаборатория твоего отца его выполнила. Внешне – обыкновенный антивирусник с небольшой спецификой. Ведомственный, так сказать. Иранская разведка знала, что на ядерные объекты, расположенные в их стране, ЦРУ и Пентагон готовят хакерскую атаку. Программа делалась экстренно. В результате все те гадости, которые рассылались из США, не вредили сетям ядерных объектов Ирана. Они возвращались на те компьютеры, откуда вышли, показывая при этом весь свой путь. Атака была, понятно, не прямая. Докопаться до начальных отправителей без этой программы было бы сложно. В результате, когда вирусы вернулись к отправителям, на сутки зависла вся компьютерная сеть Пентагона и ЦРУ. Американцы сначала обвинили китайцев, потом разобрались и поняли, что их собственная разработка ударила по ним бумерангом.

– Вот вы не видите, товарищ майор, а я сразу понимаю разницу между собой и отцом. Я даже теоретически не могу предположить, как можно отследить всю цепочку прохождения вируса до конечного адресата.

– Я тоже, хотя и дипломированный программист. А как заставить вирус идти в обратном направлении, ты можешь предположить?

– Думаю, что это не слишком сложно, если за дело возьмется группа знающих людей.

– А вот я, дипломированный специалист, этого даже предположить не могу. Значит, яблоко от яблони недалеко падает. Ты просто скромничаешь.

– Нет, товарищ майор. Я свои возможности знаю. Но давайте займемся непосредственно делом. Мой командир взвода предупредил, что времени у меня немного.

Майор раскрыл портфель, вытащил оттуда два компакт-диска и распечатку с текстом. Я без проблем догадался, что это и есть подписка о неразглашении.

– Садись, читай внимательно и подписывай. Потом будем работать.

На установку программ, изучение интерфейса и апробирование всех этих новинок у нас ушло два с лишним часа. Едва мы успели закончить, как в класс заглянул старший лейтенант Станиславский.

– Извините, товарищ майор, вы скоро закругляетесь? –

спросил он с озабоченным видом.

– Что-то срочное? – Майор поднял брови на самый лоб.

Я уже заметил у него эту не слишком красивую для мужчины женскую привычку играть бровями.

– Так точно. Нам объявлена готовность номер два. Это значит, что мы получаем все на складах и сидим, ждем погоды. Потом поступит команда на готовность номер один. Тогда мы уже нацепим полную экипировку. Но в готовности номер два тоже следует много чего сделать. Это займет не одну минуту и даже не десять. А ведь команда «старт» может поступить через несколько секунд после готовности номер один.

– А готовность номер один когда ждете?

– В любой момент приказ поступить может. Мне этого знать не дано. Даже командир бригады, думаю, не в курсе, и начальник штаба тоже. Команда из Москвы идет.

– Тогда у нас все. Программы загружены. Инструктаж я провел, проверил запоминание. Рядовой толковый, может работать. Что я упустил, он сам докопается. Я хотел просто поговорить с ним на слегка отвлеченные темы, но если нет времени, то я пас. Обойдусь. Хотя надеюсь, что это у нас не последняя встреча. К вашему возвращению я отправлю в штаб бригады запрос из управления. Может быть, мы привлечем парня к своей работе. Но это отдаленные планы, зависящие от многих факторов. Посмотрим.

Меня майор не спросил, моим желанием даже не поинте-

ресовался. Все компьютерщики и программисты такие. Они считают себя пупом земли и не понимают, что их насущные дела могут кого-то интересовать очень мало.

Станиславский нахмурился, собрал над переносицей львиные складки. Ему тоже, кажется, не понравилось предложение майора Варфоломеева. Но как человек военный в обсуждение вступать он не стал, поскольку его мнения никто не спрашивал. Поинтересовались бы – другое дело.

– Хорошо. Волконогов, с планшетником бегом в казарму! – распорядился старший лейтенант. – Собираешься в темпе. Старшина роты в курсе. Поможет. Лучше сразу в полной готовности. И бегом к штабу бригады. Там дежурный встретит тебя сам или подошлет кого-то. Прямо в штабе будем кое-что из спецтехники получать. Я сейчас тоже туда пойду. Третьим с нами Чубо летит. Это ответ на вопрос, который стоит у тебя в глазах. У вас с ним, кажется, хорошие отношения. Вот и будь доволен. Чубо уже, наверное, меня у штаба ждет. Давай и ты поторопись.

Я, конечно, был доволен. Если бы мне пришлось самому выбирать напарника, я остановился бы именно на кандидатуре младшего сержанта Чубо. Он какой-то надежный, без заморочек. Мне, по крайней мере, с ним проще, чем с другими кандидатами.

Забрав свой планшетник, я поспешил в казарму. Дневальный, стоявший у ротной тумбочки, на которой расположен телефон и тревожная кнопка, кивком головы показал мне на

дверь каптерки. Там, насколько я знал, обычно сидел ротный старшина. Я постучал и услышал голос старшего прапорщика Сухого, разрешающего войти.

Старшина, похоже, ждал меня, встретил стоя и заявил:

– Получай экипировку, оружие, сухой паек и дуй в штаб бригады.

Вся моя персональная экипировка хранилась в шкафчике с моей фамилией на дверце. Автомат, естественно, стоял в ротной оружейной горке. Собраться мне было делом одной минуты. Пока дежурный по роте открывал три замка оружейной горки, я успел сбегать к своему спальному месту и захватить из тумбочки пакет с туалетными принадлежностями.

Все командировки в спецназе ГРУ, как правило, предполагают полевые условия. В таких ситуациях у нас не принято бриться. Но я предпочитал скоблить физиономию при любой возможности, потому что борода у меня росла рыже-пегая, клочковатая, щетина выглядела довольно смешно и даже уродливо. А я с самого детства больше всего боялся казаться именно таким, уже тогда считал, что лучше быть побитым, чем смешным. Поэтому я порой бывал поколочен, хотя всегда старался за себя постоять.

– Все. Ты укомплектован, – заявил старшина роты.

– А патроны? Мы что, без боекомплекта отправляемся? – спросил я.

– Чубо на себя получил. Тебе лично патроны к автомату

не полагаются. Сдашь его в штабе, – предупредил старший прапорщик Сухой.

– Сдать автомат? – не понял я. – А как же командировка? Без оружия?

– Ты же у нас сменный снайпер!..

За год службы при всем желании и старании невозможно создать универсального спецназовца. Нам объясняли это с первых же дней службы. Когда-то бойца готовили два года, но и этого срока не хватало. Еще раньше служба была трехлетняя, но проблема не решалась и тогда. Это время не застали даже старшие офицеры, но они знали об этом хотя бы понаслышке. Универсальными спецназовцами могут быть только офицеры, отчасти солдаты и сержанты контрактной службы.

Поэтому в спецназе, как и везде в армии, придерживаются метода специализации. Каждого солдата готовят по его конкретной специальности – сапера, радиста, снайпера, корректировщика. Но надо учитывать возможные потери в реальном бою. Каждый специалист должен быть заменяем. Поэтому ему готовят сменщика, который частично осваивает чужую профессию.

Я официально считался бойцом разведвзвода, то есть самого универсального подразделения спецназа. За взводом был закреплен специалист-снайпер. Если он погибнет или будет тяжело ранен, то мне придется заменить его.

Честно говоря, сделать это не так-то просто. Только чело-

век, никогда не заглядывавший в оптический прицел, может сказать, что нет разницы в стрельбе с ним или без него. Дескать, любой человек сумеет стрелять из винтовки с оптическим прицелом.

Но сам прицел – сложное техническое приспособление. Стрельба с оптикой ведется совершенно иначе, чем из автомата, простой винтовки, карабина и пистолета. Снайпер проходит узкую специальную подготовку.

Меня обучали разведывательным действиям, способам скрытного перемещения, маскировке, анализу и классификации того, что я увидел. Снайпера же большей частью натаскивали стрелять, хотя базовую подготовку и он проходил обязательно. Иначе снайпер рискует отстать от подразделения, за которым закреплен, при первом же боевом марше.

До армии я занимался биатлоном и неплохо владел винтовкой. Поэтому меня и заставили быть сменным снайпером, обучали стрелковому делу, тактике, методологии и особей, ни с чем не сравнимой системе маскировки. Конечно, мне было далеко до штатного снайпера, у которого синяки от приклада никогда с плеча не сходят, тем не менее самые необходимые знания и навыки я получил. Они дополнили мою спортивную стрелковую подготовку, и результат чувствовался.

– Так точно, сменный. И что, товарищ старший прапорщик? Это что-то значит?

– Разумеется. Это значит, что учили тебя не зря. Насколь-

ко мне известно, тебе в эту командировку винтовка с оптикой полагается. Получишь ее взамен автомата. Кажется, «Винторез». Я видел, как в штаб со склада несли. В маленьком чемоданчике. Стандартная упаковка. Стрелял, наверное, из «Винтореза»?

– Так точно, товарищ старший прапорщик, стрелял. Хорошая винтовка, только, на мой взгляд, дальности ей не хватает. Мне больше по душе «КСВ»².

Наличие в группе снайперской винтовки с глушителем уже само по себе подразумевало особый характер предстоящей операции, ее скрытность. Но обсуждать это со старшиной роты было бессмысленно. Я полагал, что он ничего не знал о нашей командировке, а его предположения меня не интересовали.

– «КСВ» – это хорошо, когда нужно по бронетранспортерам стрелять, – заявил старший прапорщик. – Зато «Винторез» с глушителем. Иногда это бывает необходимо. Ладно. Все собрал? Готов? Тогда дуй!..

Слово «дуй» для старших по званию стало, кажется, в нашей бригаде признаком хорошего тона. Каждый человек, отдающий команду, стремился его произнести. Сначала это раздражало меня. Потом я привык, как и все.

На сей раз я не бежал, как тогда, когда меня вызывал начальник штаба. Я шагал уверенно, как человек, понимающий свою значимость, даже необходимость. Сумку с план-

---

² КСВ – крупнокалиберная снайперская винтовка.

шетным компьютером и различной периферией к нему я придерживал рукой, чтобы она не билась о приклад автомата.

На крыльце штаба меня встречал младший сержант Чубо. Его коренастую фигуру я узнал издали. Чубо, как и я, был в бронежилете. За плечами у него висел рюкзак, автомат он держал в руках. Младший сержант не был сменным снайпером, и ему «Винторез» не полагался.

– Пойдем, тебя ждут. – Володя кивнул на распахнутые двери.

Я шагнул через порог впереди младшего сержанта. Дежурный по штабу поднял голову, но вставать не стал.

– Направо, вторая дверь с левой стороны, – сказал он. – Станиславский уже там. Да, автомат потом сдать не забудь. Командир взвода скажет, куда его девать.

Искать дверь мне не пришлось. Она открылась перед моим носом.

Старший лейтенант Станиславский хмуро поторопил меня:

– Быстрее. Нам дали готовность номер один.

Я шагнул за порог и увидел на письменном столе вскрытую картонную коробку. Сначала мне показалось, что это какие-то мутные пластиковые ампулы. Но я сделал еще два шага вперед и рассмотрел, что это патроны, у которых пластиковые пули странной формы. Калибр я определил сразу – 9 миллиметров. Гильза длиннее, чем для пистолета Макарова.

Значит, предназначены они для «Винтореза». Какая-то модификация патрона «СП-5»³.

---

³ Патроны «СП-5» и «СП-6» (бронебойные) сделаны специально для снайперской винтовки «Винторез». Причем бронебойные патроны «СП-6» в отличие от большинства других имеют дозвуковую стартовую скорость полета пули. Это обеспечивает качественную работу глушителя и позволяет делать бесшумный, а не малошумный выстрел. При этом сохраняется пробивная способность пули, но теряется дальность поражения.

Глава 1

– Хмурое у вас лето, – глянув на темное небо, пробурчал полковник Костатидос. – А я по наивности надеялся на теплую погоду. Слышал, что Кавказ – место жаркое, и вообще думал, что Грузия похожа на Гавайи, тут сплошные курорты.

Доктор Норфолк поморщился и тряхнул головой, сбрасывая с кончика длинного носа дождевую каплю, легко превратившуюся в струю. Дождь был не сильным, но затяжным. Тучи обложили все низкое небо, не обещая какого-то просвета в ближайшее время. Длинные прямые волосы Норфолка промокли. Вода с них, в добавление к дождю, стекала на его лицо.

– Это не у нас, а просто здесь. Претензии не ко мне, а к капитану. – Норфолк кивнул на человека, сидевшего за рулем.

Капитан Гиви Джадиани должен был управлять «Фольксвагеном». Он, конечно, слышал разговор двух американцев. Один из них имел определенный опыт в грузинских делах, уже более года работал в этой стране. Второй час назад прилетел из Турции для проведения совместной операции, подводящей итог более чем годовой работы целого коллектива.

Доктор Норфолк был непричастен к этим делам. Он просто случайно присоединился к группе, поскольку его помощником во многих делах был именно капитан Джадиани. Тот отвечал не только за проект Норфолка, но и еще за несколь-

ко.

Несмотря на отличное знание английского языка, капитан никак не реагировал на обвинения, брошенные в сторону грузинской погоды. Он не торопился объяснять, что такие дожди не типичны для здешнего лета, обычно весьма жаркого.

Капитан Дареджан Софикошвили, представляющая службу химической и радиационной защиты Министерства обороны Грузии, сядила за руль второй машины, грузового фургона. Она тоже слышала фразу полковника и английским владела не хуже Джадиани, поскольку заканчивала когда-то университет в США.

Женщина не удержалась и ответила:

– Это вы, полковник, привезли нам свою погоду с Аляски. Вы же, кажется, живете где-то в районе Анкориджа, не так ли?

– Вы, мисс Дареджан, видимо, никогда не бывали в Анкоридже, если так говорите. У нас теплый климат, хотя официально мы люди и северные⁴.

– Тогда вы захватили с собой облака из Турции. По прогнозу, там тоже дожди. По крайней мере, в северо-восточных провинциях. Я смотрела метеосводку в Интернете.

---

⁴ Столица штата Аляска, Анкоридж, расположена севернее, чем Магадан, его город-побратим, но лето там более жаркое, чем, скажем, в Петропавловске-Камчатском, лежащем намного южнее. Тепло приносит Аляскинское течение, одна из ветвей Тихоокеанского. Благодаря этому даже зима в Анкоридже относительно теплая.

– Я летел из западных провинций, с берегов Эгейского моря. Там чистое небо, курортный сезон в самом разгаре. Турецкий загар, наверное, заметен на моем лице.

Полковник сел рядом с капитаном Софикошвили, тогда как доктор Норфолк устроился на переднем сиденье машины капитана Джадиани.

– Поехали? – спросил полковник. – Они нас догонят.

– Да, отправляемся. Гиви нас обязательно обойдет. Мне за ним не угнаться. Он гоняет так, словно родился за рулем. Для него быстрая езда такое же естественное состояние, как для другого человека – пешая прогулка. – Дареджан хотела выдать куда более острое сравнение, но посчитала, что оно будет ярко звучать только на грузинском языке, богатом образными оборотами, а на английском станет ничего не значащим, и удержалась.

– Машины-то у нас, прямо скажу, не скоростные, не для гонок созданы, – заметил полковник. – Что с них взять! Немецкие...

Как всякий конченный американец, по природе своей пламенный патриот родной страны, полковник Костатидос считал, что автомобили изобрели в США, и только там умеют их делать настоящим образом. Все остальное полковник считал ширпотребом. Иного мнения об автомобилях, даже если оно существовало, полковник просто слушать не хотел и знать его не желал.

Ворота военной базы перед машинами открылись заранее.

Часовой даже не спросил пропуск.

– Так свободно можно выехать? – удивился Костатидос.

Он привык, что на американских военных базах, расположенных даже в самих Соединенных Штатах, робот-шлагбаум открывает проезд только после предъявления пластиковой карты-ключа.

– Нас здесь хорошо знают, поэтому пропускают без излишних формальностей, – ответила капитан Софикошвили и приветственно кивнула часовому, стоявшему у шлагбаума.

Тот лениво отдал честь, будто отмахнулся.

Она только что обвиняла в лихачестве своего коллегу, но и сама ехала достаточно быстро. Во всяком случае, так показалось полковнику. Женщина не обращала особого внимания на дорожные знаки, не заморачивалась тем, что везет опасный груз.

Но как только дорога ушла в горы, их машину резко обогнал второй «Фольксваген». Капитан Джадиани и в самом деле умел ездить так, как не всякому доступно. При этом, судя по звуку двигателя, ревущего как спортивный болид, он не жалел ни топлива, ни саму машину, совершал скоростные обгоны на третьей, а то и на второй скорости. В сравнении с его манерой вождения езда Дареджан, в общем-то, чуть-чуть рискованная, казалась прогулкой в парке на детском велосипеде.

Костатидос не пожалел, что сел в машину к капитану Софикошвили, а не к Джадиани. Учитывая, что дорога после

дождя скользкая, там нужно ехать с закрытыми глазами или же сидя верхом на собственных нервах, которые необходимо было бы держать в жесткой узде, чтобы не показать посторонним свое состояние.

У доктора Норфолка, видимо, нервы стальные, потому что он постоянно ездит с Гиви. Может быть, Норфолку помогает то, что он привычно заглушает свое чувство самосохранения определенного рода лекарством из плоской фляги, которую всегда носит с собой. Доктор сам выбрал себе машину и в этот раз.

Полковнику оставалось радоваться, что хрупкий и смертельный груз находится в машине мисс Дареджан, что давало людям определенную гарантию безопасности. Вообще-то мисс Дареджан загрузила в свою машину две коробки. Одну для своего подведомственного проекта, другую для доктора Норфолка. Содержимое второй коробки в случае аварии было бы смертельно опасно для водителя, пассажира и любого человека, который окажется рядом.

Дорога шла то вверх, местами даже очень круто, то резко бросалась с горы, то стекала плавно как река. Иногда она изобиловала серпантинами, когда с одной стороны вертикальная стена, а с другой – обрыв, потом ныряла в скалы и извивалась между ними. Посмотреть было на что, но многообразие тоже быстро утомляет. Поэтому полковник Костатидос временами закрывал глаза, уходя в приятную полудрему.

За свою жизнь он повидал много стран и немало гор, но

настоящими считал только Скалистые, тянущиеся от Британской Колумбии в Канаде до штата Нью-Мексико на юго-западе США. Еще Костатидос с уважением относился к вершине Мак-Кинли⁵. Он лишь снисходительно улыбался, когда ему что-то говорили про Эверест. Про Казбек или Эльбрус полковник и слышать не хотел, считая такие горы только холмами. Переубедить Костатидоса было невозможно даже под угрозой расстрела.

– Все. Самый высокий перевал преодолели, дальше ехать будет легче, – сообщила Дареджан. – Правда, сама дорога станет похуже. Но здесь уже можно не опасаться встречных машин. Люди сюда редко заглядывают.

Они как раз миновали развилку. Дорога, ведущая налево, была более приличной и выглядела слегка ухоженной. Та, что вела направо, казалась совсем заброшенной. По ней машины и поехали.

Полковник огляделся. Вид с перевала открывался красивый, правда, американцу никак не верилось, что самый высокий подъем уже преодолен, потому что где-то там, впереди, виднелись мощные и суровые хребты, едва различимые в облачную непогоду.

Костатидос знал, что это Большой Кавказский хребет, отделяющий Грузию от России. Им не было необходимости ту-

---

⁵ Мак-Кинли (*англ.* Mount McKinley) – двуглавая гора на Аляске, высочайшая вершина Северной Америки. Находится в центре национального парка Денали. Названа в честь 25-го президента Соединенных Штатов Америки Уильяма Мак-Кинли. Ее высота составляет 6168 м.

да ехать. Все их дела имели конкретное направление и уходили именно туда. Но люди, которые проворачивали такие мероприятия, оставались на месте. Это обстоятельство служило утешением для заморского гостя.

Дорога, как знал полковник, теперь поведет на восток. На запад ехать нельзя. Там уже Южная Осетия, официально считающаяся территорией Грузии, но не всеми, а только теми, кто поддерживал эту маленькую страну, жестоко обиженную огромной Россией. Впрочем, это большинство государств мира. С мнением других сил, выступающих против единства Грузии, можно было бы и не считаться, если бы не была в дело замешана Россия. Ведь именно благодаря ее усилиям Южная Осетия и объявила себя независимым государством.

Вникать во внутренние противоречия Грузии полковник Костатидос не желал. У него имелась своя задача, и он собирался выполнить ее со всем старанием. По большому счету полковнику было безразлично единство Грузии. Если бы не Россия. Раз она вмешалась в это дело, значит, Соединенные Штаты должны быть на противоположной стороне и активно помогать Грузии.

В Южной Осетии сейчас работать было невозможно из-за присутствия там российских военных. Они, конечно, присматриваются к грузинской стороне, и уж, разумеется, глядят во все глаза, когда там вдруг появляются американцы. Но Южная Осетия все равно волновала Костатидоса мало.

Это так называемое государство отделял от России как раз тот самый Большой Кавказский хребет, перевалить через который не сумеет ни один кабан. Эти животные каждую осень мигрируют из Грузии в Северную Осетию и дальше, вплоть до Ставропольского края, минуя Южную Осетию. Об этом наглядно говорила карта миграции диких кабанов, составленная по результатам спутникового контроля, произведенного американскими космическими войсками.

Два года продолжались наблюдения за кабанями, на которых были поставлены электронные метки, фиксируемые спутником. В результате была составлена подробнейшая карта миграции кабаньих стад. Удалось установить и время прохождения ими отдельных участков. Это определило методологию дальнейшей деятельности американских «биологов». Им стало ясно, как именно надо работать в той или иной точке миграционных кабаньих маршрутов.

– Мисс Дареджан, вы бывали в Южной Осетии?

– Я родом оттуда.

– Вот как! Вы осетинка?

– Нет, господин полковник, я грузинка. Но в Южной Осетии раньше жило много грузин. Даже сейчас они там остаются.

– Каково им приходится после той войны? Наверное, налицо сильное этническое давление?

– Моя бабушка не жалуется.

– У вас там осталась бабушка?

– Да.

– Что же вы ее к себе не заберете?

– Она не хочет. Я пыталась, да и мой брат тоже. Но бабушка не желает. У нее свой дом, сад, огород, козы. Следить за всем успевает, за водой к ручью сама ходит. Говорит, когда тяжело станет носить ведра, тогда к нам переедет.

– Сочувствую вашей бабушке.

По большому счету полковнику Костатидосу были безразличны даже судьбы целых народов, не говоря уже об отдельных их представителях. Но он умел выражать сочувствие и всегда делал это, во всем подражая своему правительству. Американские власти смотрят на участь чужих народов только через призму собственной выгоды, но сочувствие никогда не забывают и часто играют на этом.

– Судя по всему, мистера Гиви нам уже не догнать? – спросил полковник.

– Я и не собираюсь этого делать. – Капитан Софигошвили фыркнула словно дикая злобная кошка. – Он за рулем по-настоящему сатанеет. Для Гиви любая машина, идущая впереди, как красная тряпка для быка. Обязательно надо обогнать.

– А если обгонять некого? – спросил полковник.

– Тогда он будет обгонять самого себя, собственную тень, свою мысль. Хотя иногда, надо признать, это его выручает.

– Каким образом?

– Месяц назад мы с ним ехали в одной машине. Руль он,

конечно, никому не уступит. Даже собственной жене. Дело было на оживленной трассе. Навстречу на высокой скорости шла большегрузная фура. Гиви, как всегда, не ехал, а летел. Водитель фуры, скорее всего, уснул за рулем и выехал на нашу полосу движения. Я потом анализировала ситуацию. Сама бы я постаралась затормозить, чтобы смягчить столкновение, а Гиви поступил с точностью до наоборот. Он дал по газам и проскочил под самым носом фуры. Ему только задний бампер оторвало. Но столкновения наш друг избежал за счет высокой скорости. Я удивилась, как он сумел так быстро разогнаться. Мастер за рулем!.. С таким соревноваться бесполезно. По крайней мере, нам, простым смертным, не профессиональным гонщикам.

– А если этот гонщик сам уснет? – спросил полковник.

– Он-то? Гиви бессонный как мышь!

– Именно такие герои засыпают чаще других. Потому и случаются аварии. Водитель всего на две секунды закрывает глаза, и машина уже слетает с дороги.

«Фольксваген» миновал перевал и плавно пошел на спуск. Софикошвили отпустила педаль сцепления, чтобы не жечь бензин понапрасну, и спускалась накатом, легонько притормаживая только перед поворотами.

Полковник снова закрыл глаза и задремал. В этих местах, далеко от базы, дождь уже кончился. В небе на востоке были видны кусочки неестественно яркого неба, насыщенного глубокой голубизной. Дорога быстро просыхала. Манера во-

ждения капитана Софикошвили сначала слегка насторожила Костатидоса. Теперь, в сравнении с лихостью капитана Джадиани, она казалась американцу вполне умеренной и даже безопасной. Хотя на знаки, ограничивающие скорость, мисс Дареджан не обращала никакого внимания, как и большинство грузинских водителей.

Сам полковник был воспитан иначе. Этот стопроцентный американец дисциплинированно вел себя на дороге и уважал знаки. Сказывалось и его армейское воспитание, которое обязывало уважать все отечественное, родное, особенно законы, распространяя, кстати, их действие на любую страну.

Ровные и широкие дороги, приспособленные под большие автомобили, которые предпочитают американцы, были ему привычны. Это делало Костатидоса, как и всех американских водителей, слегка рассеянным за рулем. В глубине души он понимал, что местные дороги не простят ни малейшей расслабленности. Здесь нужна сосредоточенность и быстрая реакция, адекватная внезапно сложившейся ситуации.

Полковник считал, что это было большим минусом для Грузии. При этом он нисколько не сомневался в том, что американские водители – лучшие в мире. Принцип, согласно которому без машины ты никто, ввелся в мистера Костатидоса с самого детства.

Вытравить его из сознания полковника было уже невозможно. Точно так же, как нельзя в самой Америке прожить

без автомобиля. Там вся инфраструктура заточена только под эту повозку с мотором. Общественный транспорт хорошо развит исключительно в крупных городах. Но кое-где без машины невозможно добраться даже до магазина с продуктами.

Наверное, именно поэтому в большинстве штатов права выдают с шестнадцати лет. В отдельных из них, таких, например, как Дакота, водительские документы можно получать уже с четырнадцати лет. Поэтому Костатидос считал американских водителей лучшими. В том числе, разумеется, и самого себя. Он с легким покровительственным пренебрежением относился к капитанам Софикошвили и Джадиани. Как и вообще ко всему в Грузии. Да и не только здесь.

Дорога спустилась в долину, которая тоже располагалась не на равнине, а высоко в горах и больше походила на ущелье, потому что хребты, окружающие ее с двух сторон, местами сходились достаточно близко. Однако и там, где они не сближались, трасса совсем не была прямой.

Во-первых, сама долина не отличалась прямизной. Во-вторых, пространство между хребтами во многих местах было забито скалами разной высоты. Иногда машинам приходилось ехать по открытому месту, потом «Фольксвагены» врывались в коридор, где звуки двигателей усиливались и отлетали от одной скалы к другой. Вслед за этим они возвращались к автомобилю и настырно били по ушам водителей и

пассажиров. Езда по таким коридорам – дело не очень приятное.

– Нам далеко еще? – спросил Костатидос.

– Минут сорок обыкновенной езды, – пообещала капитан Софикошвили. – Гиви уже, наверное, добрался до места и ждет нас.

Они как раз въезжали в извилистый скальный коридор, по которому от стены к стене катались те самые звуки двигателя, о которых полковник только что думал. Дорога была проложена, несомненно, еще в советские времена. С тех пор она, наверное, почти никогда не ремонтировалась.

Еще он понял, что советским строителям пришлось приложить много усилий, истратить огромное количество взрывчатых веществ, чтобы, грубо говоря, раздвинуть скалы. Тем не менее даже здесь дорога не была прямой. Видимо, не все скалы поддавались дорожно-строительной технике и даже взрывам. Поэтому дорога виляла как змея, убегающая от преследования.

Один поворот наслаивался на другой, и все они были одинаковыми, по крайней мере для полковника, который впервые ехал по этой дороге. Американец не имел никакого желания считать их. Слишком уж легко было сбиться.

За очередным поворотом Костатидос, не пристегнутый ремнем безопасности, чуть не вылетел через лобовое стекло. Мисс Дареджан затормозила слишком резко! Сначала полковник хотел было возмутиться, вслух высказать свое отно-

шение к подобному вождению, но вовремя посмотрел вперед. Слова, готовые сорваться с языка, застыли в его горле.

Он увидел разбитую машину капитана Джадиани. «Фольксваген» на большой скорости врезался в скалу. То ли что-то случилось с машиной, то ли с водителем. Сейчас, навскидку, никто не смог бы этого сказать.

Мисс Дареджан завела двигатель, заглухший после резкого торможения, и на малой скорости двинулась вперед, чтобы по возможности приблизиться к месту аварии. Вторая машина остановилась рядом с первой. Сначала из нее вышел полковник. За ним показалась капитан Софикошвили, которая выглядела так, словно боялась увидеть нечто страшное.

Глаза у мисс Дареджан и без того были слегка выпучены от природы, а сейчас они вообще могли вывалиться из орбит. Все движения капитана грузинских войск химической и радиационной защиты были испуганными, осторожными, намеренно замедленными. Американцу казалось, что Дареджан готова в любой момент развернуться и броситься назад, в свою машину.

Полковнику пришлось первому подойти к разбитому автомобилю. «Фольксваген» въехал капотом в скалу. Двигатель, скорее всего, уже едва ли можно было отремонтировать. Вывозить машину, вероятно, следовало на эвакуаторе, а вот людей...

К ним полковник Костатидос почему-то подошел уже после осмотра машины. Оба были без сознания. Капитан Джа-

диани положил руки на руль и повернул набок голову, словно спал со всеми удобствами. Ремень безопасности все же не дал ему вылететь из машины и удариться лицом о скалу вслед за «Фольксвагеном».

Полковник приложил пальцы к горлу капитана и почувствовал вполне нормальное биение сонной артерии. Оно было разве что чуть более частым, чем положено, но измерять пульс по секундной стрелке Костатидос не намеревался. Внешних повреждений у капитана заметно не было. Возможно, он переломал себе ребра при ударе о руль. Но такие жуткие последствия столкновения со скалой вовсе не были обязательными.

Сейчас грудная клетка Джадиани не доставала до руля, и можно было надеяться, что удара вообще не было. Если ремень безопасности сработал исправно, этого и не должно было случиться. Но ведь сотрясение внутренних органов тоже вполне в состоянии вызвать болевой шок и даже потерю сознания. Нокаут ведь случается не только тогда, когда тебя бьют, но и тогда, когда стучаешься обо что-то сам. Ремень безопасности в данном случае сработал как стена, в которую вписался капитан.

– Жив? – спросила мисс Дареджан.

– Кажется, даже здоров, – ворчливо, почему-то почти недовольно ответил полковник. – Надеюсь, что этот лихач не пьян.

– Он мало пьет, а за рулем вообще не употребляет спирт-

ного.

Костатидос обошел разбитую машину, чтобы проверить состояние доктора Норфолка. Последняя фраза о пьянстве относилась вообще-то именно к этому человеку, который не выходил из дома, не захватив с собой заветную плоскую фляжку. Вот и сейчас в машине откровенно пахло спиртным. Полковник опасался, что доктор угостил капитана Джадиани. Результатом нескольких глотков какого-то крепкого напитка явилась авария. Но пахло именно от доктора, как убедился Костатидос, обойдя машину и с трудом распахнув правую переднюю дверь.

Второго руля справа у этого «Фольксвагена», естественно, не было. Кажется, доктор даже дышал ровнее, чем капитан. Так, по крайней мере, подумал полковник, когда прощупал биение сонной артерии на горле Норфолка. Доктор не висел грудью на ремне безопасности, а откинулся на спинку сиденья и опустил затылок на подголовник. Впечатление было такое, что Норфолк вот-вот проснется, откроет глаза и спросит, что произошло, почему машины стоят. Если он уже опорожнил свою полулитровую флягу, то вполне мог и благополучно проспать аварию.

Полковник толкнул Норфолка в плечо, но тот не отреагировал. Непонятно было, пьян он или без сознания в результате аварии. На всякий случай, сам не зная зачем, полковник заглянул на задние сиденья и в багажник. Машина не везла никакого груза. Ящики, отмеченные личными печатями ка-

питана Софиикошвили и доктора Норфолка, ответственных за их сохранность, находились во второй машине.

– Что у них случилось? – спросила женщина.

– Об этом нужно спрашивать вашего Гиви. Мы с вами находились далеко от них.

– Справа лопнула шина. Передняя. Может, из-за этого?

– Не исключено, – согласился полковник. – Но шина сама по себе, при условии аккуратной езды, не лопнет. Да и диск не рассыплется.

Костатидос присел и увидел обрывки резины, висевшие на том, что осталось от диска, изготовленного из легкого сплава. Но это могло быть как следствием аварии, так и ее причиной.

– Что делать будем, мисс Дареджан? – спросил Костатидос.

Капитан Софиикошвили только пожала плечами и заявила:

– Никогда не была в такой ситуации, поэтому не представляю, как нам теперь быть. Мы забрались слишком далеко от всякой цивилизации.

Дареджан и в самом деле выглядела очень растерянной.

– Как положено поступать у вас в Грузии в случае аварии? Порядок таких действий должен быть оговорен в правилах дорожного движения. Вы знаете их грузинский вариант?

– Я только его и знаю, хотя права у меня международного образца. С ними можно ездить во многих странах, хотя, говорят, в вашей Америке нужно еще получать какой-то вкла-

дыш. Там же сплошная бюрократия. А у нас звонят сначала в полицию, потом вызывают медиков. Или наоборот, сначала обращаются к врачам и ждут их часами. Кто может, пытается оказать помощь раненым на месте. Так, наверное, принято во всех нормальных странах. А у вас что, иначе? Я, честно говоря, когда училась в Америке, в аварии как-то не попадала. У меня там и машины-то не было. Права получила уже в Грузии, когда поступила служить в армию.

– У нас принято обходиться одним звонком в службу спасения. Они пришлют и медиков, и полицию. Помощь, конечно, тоже следует оказывать, только осторожно. Особенно с теми, кто мог повредить позвоночник. Нашим парням это, кажется, не грозит. Они могли только лбы разбить, но их выручили ремни безопасности. Даже стекло полностью вылетело вперед.

– Вызвать полицию можно. Беда в том, что сюда едва ли кто доберется быстро. Да и нужно ли нам, чтобы здесь оказались посторонние личности? Не лучше ли будет вызвать врача из лаборатории и начальника транспортного отдела? Эти машины находятся в его подчинении.

– Там есть врач?

– К сожалению, только вирусолог. Тем не менее он все же доктор, обязан знать, что следует делать для оказания первой помощи. Еще есть фельдшер. В нашем случае он может оказаться даже куда более полезным, чем врач. Я вот не медик и ничего не знаю.

– Такие вещи обязан знать каждый водитель. У вас есть автомобильная аптечка?

– Под вашим сиденьем. Совсем новая, даже не распечатанная.

– Достаньте. Я попробую как-то привести в сознание наших пострадавших попутчиков, а вы в это время свяжитесь с базой. Пусть пришлют машину. Лучше эвакуатор.

– Смеетесь? Где его взять? Неподалеку есть три села – два грузинских, одно чеченское. Я во всех в разное время бывала. Ни в одном из них эвакуатора, думаю, нет. Там автомобилей мало, в основном тракторы, самый необходимый для местных жителей вид транспорта. Из лаборатории можно вызвать грузовик. Только где взять подъемный кран, чтобы поставить машину в кузов?.. Впрочем, пусть об этом заботится начальник транспортного отдела. Я сейчас позвоню. Он должен знать, где поблизости можно найти кран. Я как-то видела такой на дороге, но это было давно.

– Сначала аптечку!..

– Да-да.

Мисс Дареджан поспешила к своей машине, быстро нашла аптечку, принесла и передала полковнику, потом вытащила телефон и отошла в сторону, чтобы позвонить. Полковник снял целлофановую упаковку, раскрыл маленький кейс и рассмотрел его содержимое. Оно не одинаковое в разных странах.

Но Костатидос быстро нашел ампулу с нашатырным спир-

том, тампоном сломал острый носик, вылил содержимое на другой плотный ватный кружочек и сразу поднес его к носу доктора Норфолка. Тот завертел головой так энергично, что длинные волосы разлетелись в стороны. У полковника Костатидоса не оставалось никаких сомнений в его жизнеспособности. Доктор должен был вот-вот прийти в себя. Не ясно было только то, насколько трезвым он окажется.

Полковник обошел машину, чтобы привести в чувство и капитана Джадиани. Но он увидел, что капитан Софиикошвили стоит, опустив руки.

– Почему не звоните, мисс Дареджан? – строго спросил американец.

– Мой мобильник не срабатывает. Давно хочу его сменить, но все руки не доходят. Постоянно возникают какие-то проблемы. Сначала вроде бы все нормально, потом номер набираю, и появляется надпись, что нет сети. Замучилась с этим.

Полковник глянул на мобильник капитана Софиикошвили и заявил:

– У вас первая модель айфона. Да, они грешат неполадками. Поговаривают, что так сделано специально, чтобы люди покупали следующие модели. Сейчас уже пятую, кажется, выпустили. Поменяйте на нее, а пока звоните с моего телефона.

Он передал капитану свой аппарат, и Софиикошвили сразу стала набирать номер.

Глава 2

Нас отправили почти сразу, как только мы собрались. Перед выездом на аэродром я слышал, как старший лейтенант Станиславский давал инструктаж старшему прапорщику Косолапову, который должен был замещать его на время командировки. Косолапов уже командовал нашим взводом, когда Станиславский уезжал в отпуск. Весь разговор между ними я не услышал, но то, что ухватил, меня заинтересовало.

Когда нас посадили в микроавтобус, чтобы отправить на аэродром, я спросил Станиславского:

– Товарищ старший лейтенант, а что, весь взвод вслед за нами отправляется?

– Нет. Он будет выполнять свою задачу. – Командир взвода сухо и четко поставил на место любопытного солдата, еще раз подтвердил золотое правило разведки – не задавать лишних вопросов.

Они могут касаться только полученной задачи.

Я понял свой промах, еще сообразил, что даже при том, что на меня в какой-то степени стала падать тень профессиональной славы моего отца, по-прежнему оставался все тем же самым рядовым Вячеславом Волконоговым, каким был и раньше. Рядовому следует знать свое место, чувствовать момент, когда можно задавать вопросы, а когда делать этого никак не стоит.

Надо хотя бы тему чувствовать. Потому что в нашей службе она решает многое. Есть темы для общего обсуждения, в том числе обязательные. Есть профессиональные, которые каждый солдат знать попросту обязан. А есть темы служебные. Как я должен был бы отреагировать, если бы кто-то из семи моих конкурентов сейчас задал бы вопрос о том, что нам предстоит или зачем меня вызывали к майору Варфоломееву?.. Вот-вот! Именно так старший лейтенант и ответил на мой вопрос.

Куда мы направляемся, что именно нам предстоит делать, не знал ни я, ни младший сержант Чубо, молча сидящий по другую сторону от старшего лейтенанта. Чубо вопросов не задавал. Он был намного опытнее меня, знал, что и когда следует спрашивать.

Нас везли на военный аэродром, потому что в гражданский самолет нас, вооруженных и экипированных, никто не посадил бы даже после проверки на алкотестере и беседы с психологом на предмет вменяемости и адекватности. Естественно, мы и не ожидали, что нам предоставят президентский лайнер. Самолет, на котором нам предстояло лететь, уже стоял с включенными двигателями и истерично вибрировал всеми фибрами своей души. Звон внутри стоял такой, будто мы находились в жестяном барабане. Отправляться в путь на таком чуде техники было страшновато. Но пилоты никакого беспокойства не проявляли, и мы своей озабоченности тоже не показывали.

Посадочных мест нам не приготовили. Самолет был даже не грузопассажирский, а просто грузовой. Хорошо хоть то, что в нем оказалось несколько стопок матрацев, на которых мы по указанию бортмеханика расположились вполне удобно. Пилоты потребовали выключить все мобильные устройства, и мы взлетели с жутким ревом.

Салон наполнила непонятная вонь. Впечатление было такое, что все выхлопы четырех двигателей не уходили в небо, а притягивались к нам какими-то неведомыми силами. Утешением служило то, что летели мы не на Дальний Восток, а только, как оказалось, в Каспийск. Это не слишком долго, и мы непонятным образом умудрились выжить среди выхлопных газов.

В аэропорту Каспийска мы с младшим сержантом Чубо помогли пограничникам перетащить матрацы на грузовик, потом забросили туда несколько ящиков стандартного для армии зеленого цвета и по приказу старшего лейтенанта сами забралась в кузов. На сей раз мы ехали недалеко, не больше километра, и снова стали грузчиками. Те же самые вещи мы теперь уже перетаскивали в вертолет.

Не знаю, как мой командир отделения Володя Чубо, но лично я сделал, как мне показалось, обоснованный вывод. Раз нас заставили помогать погранцам, значит, это было необходимо для скорейшего отправления вертолета в путь. Такая заинтересованность у нас могла возникнуть только в том случае, если бы мы сами на нем летели.

Оказалось, что я прав. Когда мы закончили погрузку, я увидел, что Станиславский сидит в салоне, оборудованном в передней части стандартными авиационными креслами, рядом со старшим лейтенантом погранвойск. Взмах руки нашего командира надо было понимать однозначно: «Загружайтесь сами, устраивайтесь со всеми возможными удобствами».

Таковых в грузопассажирском вертолете было мало, но он, по крайней мере, выглядел новеньким, не дребезжал как консервная банка, брошенная на асфальт. Мы с погранцами расселись, как уж смогли, и машина взлетела. Конечно, даже в грузовом самолете шума было меньше, чем здесь. Зато в салоне уже не воняло отработанным топливом. У меня было полное ощущение того, что до места назначения мы обязательно доберемся. Вполне вероятно, это дело обойдется без происшествий.

Смотреть по сторонам и прилипать носом к стеклу иллюминатора было интересно. Но это занятие слегка портило нервы, поскольку летели мы на небольшой высоте. С двух сторон от вертолета тянулись горные хребты, заставляющие его повторять повороты ущелья, при этом активно ложиться набок. Иногда у меня возникало ощущение, что пилоты наши – мужики рискованные, летят, надеясь на удачу. Авось винт не заденет за скалы! Конечно, я понимал, что это не так, весь полет у них просчитан, тем не менее в иллюминатор старался смотреть реже, хотя сидел рядом с ним, устроив на коле-

нях свой рюкзак.

Скоро мне стало закладывать уши, чтобы нормализовать внутричерепное давление, я сидел с открытым ртом. Все это говорило о том, что вертолет забрался высоко, хотя горные хребты за стеклом иллюминатора стали вроде бы ниже, да и крутизна их уменьшилась. Но я понимал, что это всего лишь видимость.

К моему счастью, лететь нам довелось недолго. Уже через час вертолет сделал над летным полем так называемую коробочку и пошел на посадку, которая завершилась вполне благополучно. Нас опять встретил грузовик, в который нам вместе с пограницами пришлось таскать все то, что прилетело с нами. Подошла другая машина, как я догадался, с обратным грузом, но им занимались уже другие солдаты-пограницы. Мы уехали в кузове первой машины. На сей раз старший лейтенант Станиславский сидел вместе с нами.

Место здесь было не жаркое, хотя солнце грело основательно, и кожа лица чувствовала это. Однако условия высокогорья тем и отличаются, что воздух там прохладный. Я это знал, хотя в настоящих горах ни разу не был. Дух у меня не захватывало, как у многих. Но, возможно, просто потому, что мне еще ни разу не довелось подойти к краю пропасти и сверху посмотреть на поток, бушующий внизу. Говорят, это незабываемое зрелище. Но в мои молодые годы не стоило жалеть о том, чего я еще не видел.

Времени на раскачку нам отпущено, как оказалось, не было. Кто-то там, наверху, просчитывал все наши действия с точностью до десятка минут. Поэтому мы успели только пообедать в столовой погранотряда, как старший лейтенант Станиславский дал команду к выступлению. Я понял, что мы будем двигаться не пешим ходом, а на машине. Стандартный военный «УАЗ» стоял перед штабными дверями.

Перед тем как загрузиться в машину, Станиславский собрал наши документы, приказал срезать погоны и нарукавные эмблемы. Все это он передал начальнику пограничного отряда на хранение. Свои документы, погоны и петлицы старший лейтенант приложил к нашим.

– Девичьи фамилии своих матерей знаете? – спросил командир взвода, ничего при этом не объясняя и тем только усиливая наше любопытство. – Или напомнить вам?

– Так точно! – отрапортовал младший сержант Чубо, который и без погон все равно продолжал для меня оставаться командиром отделения, точно так же, как старший лейтенант Станиславский не перестал быть моим взводным. – Знаем. Я, по крайней мере.

– Так точно! – добавил я. – И я знаю.

– В случае чего, это теперь ваши фамилии.

– А что может произойти? – все же спросил я.

– Потом объясню, – пообещал Станиславский и посмотрел на часы. – Примерно через час.

«УАЗ» неторопливо, но уверенно вез нас по высокогор-

ной дороге. Даже двигатель его не чихал от малого количества кислорода в воздухе. Да и мы этого как-то не ощущали. Потом дорога круто пошла вниз. Мы спустились в долину, а дальше уже ехали просто по камням, устилавшим берег реки.

Может быть, это природное явление и называлось рекой. Его ширина соответствовала, наверное, этому громкому титулу, но глубина оказалась такой, что в башмаках можно было перейти на другой берег и не замочить штанины.

Так мы тряслись достаточно долго, добрались до места, где в реку впадал небольшой ручей, свернули направо и через пять минут хода остановились перед металлическими воротами с красной звездой на каждой створке. Оказывается, этот символ Советской армии кое-где еще сохранился.

– Застава, – сообщил водитель-прапорщик.

Ворота перед нами распахнулись, и «УАЗ» въехал на территорию.

Дальше все было так же скоротечно и просто, как и раньше. К нам подсели два солдата-пограничника. В машине имелись откидные боковые сиденья, которыми эти ребята и воспользовались. Мне показалось, что такое дело было для них привычным.

Водитель сразу выехал, но после того как пересек ручей, впадающий в речку, стал часто посматривать на часы. Видимо, он выдерживал график. Прапорщик несколько раз задавал вопросы старшему лейтенанту Станиславскому, но нам

на заднем сиденье из-за урчания не самого тихого двигателя не было слышно ни слова. Станиславский отвечал коротко, но тоже посматривал на часы. Наверное, они согласовывали порядок действий.

Скоро «УАЗ» совсем сбросил скорость и теперь просто полз по берегу, вид которого изменился. Склоны гор, спускавшиеся к воде, стали лесистыми, поросли елками, можжевельником и лиственными кустами. Скоро автомобиль остановился. Пограничники открыли заднюю дверцу и выскочили. Я тоже положил ладонь на ручку, но старший лейтенант Станиславский, как оказалось, имел глаза и на затылке.

– Сидеть, Слава! – приказал он. – Это вышли только наши попутчики.

Водитель-прапорщик вдруг просигналил. Я увидел, как на другой стороне реки из кустов вышли на берег два вооруженных человека. Они поприветствовали нас взмахами рук. Форма на них была какая-то странная. Это оказались явно не российские пограничники. Насколько я сумел рассмотреть, вместо автоматов Калашникова эти парни были вооружены автоматическими карабинами «М4»⁶.

Большим умом для того, чтобы догадаться, что это за люди, обладать было не обязательно. Если мы контактировали

---

⁶ Автоматический карабин «М4» создан на заводах фирмы «Колт» на базе автоматической винтовки М16. Состоит на вооружении армии США и ряда других стран. Считается малонадежным оружием, часто выходящим из строя. Поэтому в США уже неоднократно поднимался вопрос о замене карабина «М4» другим оружием.

с людьми, носившими зеленые погоны, значит, приехали на границу. У Дагестана два южных кордона – с Азербайджаном и с Грузией. Азербайджан не в таких близких отношениях с США, чтобы поменять «калаши», привычные для своих пограничников, на не столь качественные американские карабины. Зато Грузия с удовольствием избавлялась от оружия, оставшегося на советских складах и даже многократно превосходящего по всем статьям американские аналоги, и переходила на новое. Для грузинских властей это было делом принципа. Господь им судья.

Так я определил, где именно мы находились. Вооруженные люди на той стороне речки оказались грузинскими пограничниками. Видимо, они постоянно встречались с российскими коллегами, поэтому водитель-прапорщик и приветствовал их автомобильным сигналом.

– Они нас видели! – громко, перекрывая голосом шум двигателя, сказал старший лейтенант Станиславский.

– Потому я и поприветствовал их, – заявил прапорщик. – Если бы мы, то есть вы, стали прятаться, это вызвало бы подозрение. Но поскольку вы сидите открыто, они ничего не заподозрят. Если эти грузины будут, как часто случается, общаться с нашими солдатами и спросят про вас, то им скажут, что инспекция приехала. Нас иногда проверяют. Я лично дважды инспекцию возил. Один раз из Махачкалы, второй из Москвы. Да и без меня такое бывало.

Машина плавно тронулась. Мы поехали дальше и часть

пути проделали прямо по реке, близко к середине, чтобы не наткнуться на большие камни, которые представляли собой серьезное препятствие даже для «УАЗа» с его высокой проходимостью.

Видимо, на грузинскую территорию мы не заезжали, и тамошние пограничники молча наблюдали за брызгами, летящими из-под колес нашей машины. Если даже одно колесо «УАЗа» и заскочило за рубеж, то они на это внимания не обратили.

Пограничники оказались нормальными людьми. Они не являлись носителями ярко выраженного комплекса неполноценности. Он присущ националистам и правителям большинства бывших союзных республик, которым очень хочется почувствовать собственную значимость. Но она, к счастью, не всех волнует. Этим грузинским пограничникам, к нашему счастью, не было до нее никакого дела.

Река петляла, и «УАЗ» повернул вслед за ней, углубляясь на российскую территорию. Граница пошла левее, по узкому ущелью, где был выставлен полосатый столб. Он оказался не совсем таким, какие я видел раньше, разумеется, только в кино и в книжках. Мне было понятно, что он выставлен не российскими, а грузинскими пограничниками. Значит, мы удалялись от кордона.

Но скоро автомобиль повернул еще раз и снова двинулся вдоль границы, хотя и на каком-то отдалении от нее. Ехать напрямую возможности не было из-за сложного горного про-

филя.

Вскоре навстречу нам вышли двое пограничников, теперь уже наших, российских. «УАЗ» остановился. Водитель-прапорщик вышел и о чем-то заговорил с этими парнями.

Старший лейтенант Станиславский обернулся к нам и спросил:

– Задача ясна?

– Никак нет, товарищ старший лейтенант, – ответил я.

– На ту сторону пойдем, – сказал младший сержант Чубо.

Он проговорил эти слова вполне обыденно, даже равнодушно, так, словно хотя бы раз в неделю обязательно пересекал границу соседнего государства.

– Молодец, соображаешь! – подтвердил его правоту командир взвода.

– А задача?..

– Разведка. Сбор сведений. Рядовой Волконогов у нас большой специалист по этому вопросу. Вместе со своим планшетником.

Я понял, для чего мы сняли знаки различия, сдали документы командиру погранотряда и вынуждены были вспомнить девичьи фамилии своих матерей. Конечно, хорошо бы было не называть их в критической ситуации. Тем не менее готовым в такой операции следует быть ко всему.

Водитель-прапорщик вернулся и сообщил:

– Все готово. Точка наблюдения для вас оборудована. Солдаты приведут вас на место и оставят там. Переходить

будете самостоятельно, чтобы с грузинской стороны не возникло никаких претензий к нашим погранвойскам. У нас с ними теперь отношения почти дружественные. Иногда друг к другу в гости ходим, наш оружейник недавно им карабины ремонтировал. Короче говоря, полное взаимопонимание.

– Понятно, – согласился старший лейтенант Станиславский. – Мы вообще ребята самостоятельные. Можешь не сомневаться, справимся. Если что-то вдруг случится, то пограничники будут ни при чем, это гарантия нашего командования. Кстати, на сей счет мы еще и с вашим командиром договаривались.

До самой темноты мы просидели в схроне, сооруженном пограничниками. Делать такие вещи они умели, может быть, даже не хуже, чем в спецназе ГРУ, хотя у нас разработана целая система по подготовке средств маскировки. Нас, видимо, учили лучше и больше, зато они несли непосредственную службу. У пограничников сохранялись хорошие традиции в работе по этому профилю, возникшие еще в советские годы.

В свое время я смотрел несколько старых фильмов о границе и представлял ее совсем не такой, какой увидел. В кино обязательно была колючая проволока, в несколько рядов опоясывающая всю страну. Вдоль заграждения непременно тянулась контрольно-следовая полоса, миновать которую не имел возможности ни один нарушитель.

Здесь же не было не только контрольно-следовой полосы, но и даже одного ряда колючей проволоки. Лишь кое-где сиротливо стояли пограничные столбы, введенные в обиход, кажется, при Павле Первом. Они торчали лишь там, где необходима была отметка на местности. В других же местах защитники российских рубежей обходились без столбов. Они и так знали, где проходит некая виртуальная линия, разделяющая две страны, или же просто предполагали, что им это известно.

Когда-то здесь проходила граница административная, потом самолюбие отдельных персон превратило ее в государственную. Людей она разделить не смогла. Тем не менее нам предстояло эту границу переходить, причем делать это тайно. Мы больше половины светового дня потратили на то, чтобы присмотреться к расположению грузинских постов, понять график движения их нарядов и обеспечить себе хотя бы относительную безопасность.

– Ну что, рядовой, готовь свою технику, – незадолго до наступления темноты потребовал старший лейтенант Станиславский. – Посмотрим, на что «Оператор» способен, и чем он нам поможет. Мне нужен весь вид по ту сторону границы.

Он, как оказалось, знал о возможностях новых секретных программ, установленных на мой планшетник. По крайней мере, старший лейтенант слышал о новой географической информационной системе «Оператор»⁷. А я-то по наивности

---

⁷ Географическая информационная система военного назначения «Оператор»

рассчитывал удивить своего командира, когда он вытащит из планшета карту местности, где нам предстоит работать. Она у него, скорее всего, имелась. Мало ли что может случиться с компьютером. Тогда и простая карта окажется необходимой. Но старший лейтенант предпочитал ею пока не пользоваться. Тем более что карта не могла показать возможные пути прохода через горы по ту сторону границы так же хорошо, как 3D-макет.

Я загрузил планшетник. Вообще-то хорошо было бы оставлять его в спящем режиме, чтобы потом запускать за считанные секунды. Но в запасе у меня было всего четыре полностью заряженных аккумулятора. Старший лейтенант Станиславский не поставил нас в известность о том, на какой именно срок мы уходим за границу. Даже о самом этом факте он сообщил нам только тогда, когда рядом уже невозможно было найти розетку.

Но тот человек, который планировал операцию, знал все сроки, четко представлял, сколько аккумуляторов мне может понадобиться. Потому я рассчитывал, что энергии мне хватит, но все же решил экономить ее и выключать питание.

начала внедряться в Российской армии летом 2013 года. Система предназначена для изучения и оценки свойств местности, ведения оперативных карт и схем, автоматизации процессов управления войсками, создания виртуальных 3D-макетов местности по данным, полученным одновременно минимум с трех спутников ГЛОНАСС, информационного обеспечения боевого применения высокоточного оружия, навигационного обеспечения транспортных средств и решения других спецзадач армии.

Это многократно удлиняло загрузку операционной системы.

Дальше я уже буду исходить из того, что подскажет оперативная обстановка. Возникнет необходимость в быстрой активации, стану вводить свою технику в спящий режим. Если же такой нужды не будет, то лучше, по-моему, пару минут подождать, чем потом вообще остаться с разряженным аккумулятором. Планшетник без него невозможно использовать даже вместо молотка, чтобы гвозди им забивать. Техника физически хилая!.. Пока же я даже предположить не мог, что именно подскажет мне эта самая обстановка.

Планшетник наконец-то загрузился. Я определил наше местоположение, посмотрел обычную спутниковую карту, которая мало что лично мне показывала даже при сильном укрупнении, и затребовал 3D-модель местности южнее той точки, где мы находились. Компьютер сработал оперативно и без задержки выдал мне макет изрядного участка грузинской территории. Простыми движениями пальцев по экрану я крутил карту как хотел, в нескольких плоскостях. Система «Оператор» пока работала безукоризненно.

– Товарищ старший лейтенант, готово! – доложил я.

Станиславский взял за плечи младшего сержанта Чубо, передвинул его на свое место, а сам оказался рядом со мной. В тесном схроне даже такой маневр выполнялся с трудом. Можно было бы, конечно, просто передать планшетник командиру взвода, но вдруг понадобилось бы выполнить какую-то операцию, а Станиславский работать с этой системой

не умел. Сама программа была не секретная. Майор Варфоломеев говорил мне, что она уже активно внедрялась в войска, но пока еще немногие люди могли пользоваться ею. Потому Станиславский предпочел быть рядом со мной и смотреть на монитор сбоку.

– Вот эти розовые участки – что такое? – спросил старший лейтенант, ткнув пальцем в монитор, от чего изображение сразу укрупнилось.

Я дважды молча коснулся экрана, чтобы вернуть картинку в прежний вид, вошел в панель управления и включил условные обозначения. Розовое заполнение участков означало места, труднопроходимые без специального оборудования. Красные были вообще непроходимыми, но на нашей карте таких участков не было. Потому у нас имелась возможность выбрать маршрут движения, минуя тропы, проложенные грузинскими пограничниками.

– Мне нужен большой охват, – сказал Станиславский. – Иначе трудно ориентироваться. Захвати участок чеченской границы.

– Понял. Это нетрудно, – согласился я.

Глава 3

– Достаточно. Нам нужно примерно вот сюда. Дальше уже при укрупнении посмотрим. Прокладываем маршрут! – распорядился старший лейтенант Станиславский, снова показывая свое предварительное знакомство с системой «Оператор».

По крайней мере, мой командир знал, на что она способна.

Я включил функцию прокладывания маршрута и передал планшетник командиру взвода. Пришло время принимать решение, а это была его функция.

– Просто ведите пальцем, – пояснил я. – Короткими отрезками, чтобы, в случае ошибки, можно было убрать последний участок. Планшетник сам потом покажет все трудности пути, перепады высот, угол крутизны подъема, глубину речек и прочее.

Старший лейтенант попробовал. Сначала робко, словно боялся поцарапать экран. Тем не менее у него получилось неплохо, и это Станиславского вдохновило. Дважды он ошибался, потому что после каждого проложенного участка загоралось отдельное окно с параметрами местности, и моему командиру что-то в них не нравилось. Я показал, как отменять последнее действие одним нажатием знака. Дальше пошло легче. Старший лейтенант теперь уже сам убирал

ошибочно проложенные отрезки пути. В итоге маршрут был определен.

Нам оставалось дождаться прохождения последнего наряда с грузинской стороны. Потом уже можно было переходить реку и следовать проложенным маршрутом. Идти предстояло не по карте, а по 3D-макету, что было значительно проще даже в темноте.

Единственное, что смущало и меня, и самого старшего лейтенанта – это свечение экрана. Оно запросто могло привлечь внимание грузинских пограничников или просто каких-то случайных личностей. Конечно, яркость можно было уменьшить, но это не решило бы проблему.

Тогда мы договорились, что во время движения будем как можно реже посматривать на монитор. Когда возникнет такая необходимость, Станиславский с Чубо встанут рядом и прикроют меня со стороны. В крайнем случае можно управляться даже одному, если есть плащ-палатка. Точно так командир смотрит в обычную карту, подсвечивая себе фонариком. Но вариант с тройным прикрытием эффективнее, он давно отработан. Да и плащ-палаток у нас с собой не было.

Наряд грузинских пограничников не наблюдал за границей, а просто прогуливался вдоль этой виртуальной линии. Мне, по крайней мере, так показалось. Еще не стемнело, но уже активно смеркалось. Пограничники не спешили, не стремились как можно быстрее достичь конечного пункта своего маршрута.

Идти им было еще далеко. В назначенной точке они встретятся с другим нарядом, развернутся и пойдут назад. Все это займет как минимум полтора часа. За это время на берегу полностью высохнут наши следы, и никто не подумает, что какая-то группа перешла из России в Грузию. Нашим пограничникам это тоже знать ни к чему, хотя они не дураки, могут догадываться. Однако мы стремились не показать своих действий вообще никому, поэтому дождались прохода и российского наряда.

Только после этого старший лейтенант Станиславский встал, приподнимая головой крышу схрона, и скомандовал:
– Двинули! Переходим по одному. Чубо, ты первый. Дуй!..

Противоположный берег уже надежно накрыла ночная темнота. Мы со старшим лейтенантом установили крышку схрона на ее прежнее законное место, чтобы со стороны его не было заметно. Мало ли для чего он может понадобиться! Только после этого мы подняли головы и увидели, что младший сержант уже дошел до середины реки. Темнота начала скрывать его. Еще через пять шагов он полностью растворился в ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.